

материалы V Всерос. науч.-практ. конф. –Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2009. - Ч. 1.

Вишневский Ю.Р.,
г. Екатеринбург

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. КОГАНА

Чем дальше идет время, тем более убеждаешься в сохраняющейся (а порой и возрастающей) актуальности многих идей Льва Наумовича, особенно в сфере социологии культуры и личности, понимаемой им как *самореализация* человека в культуре.

Главным и определяющим для ученого был акцент на то, что критерием творчества, его масштабов и эффективности являются не только и не столько ценности и достижения культуры, сколько степень развития творческого потенциала человека. Не случайно он определял культуру «как меру реализации сущностных сил человека» в его жизнедеятельности [1]. Тем самым центр внимания переносился на способности и потребности человека и их реализацию в творческом процессе. Так формировался *деятельностный* подход, что позволило по-новому подойти к пониманию структуры культуры – в ней были выделены (и, соответственно, стали изучаться многочисленными учениками Л.Н. Когана) такие компоненты, как духовное производство – духовное потребление – духовное распределение. Критикуя узко аксиологическое понимание культуры, Коган отмечает, что «духовную культуру неправильно рассматривать только как совокупность накопленных обществом духовных ценностей. Культура народа – не музей, не антикварное хранилище. Это – живой процесс человеческой деятельности, включающей производство, сохранение, распределение и потребление

духовных ценностей, причем каждый из перечисленных элементов характеризуется степенью участия самых широких народных масс» [2]. Существенно обогатилось и исследование традиционно выделявшихся компонентов культуры – художественной культуры, образования. В рамках нового понимания культуры особенно подчеркивалось, что «чтение художественной или научной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма – *тоже творчество*» [3]. Проводившиеся под руководством Л.Н. Когана в эти годы – одни из первых в стране – конкретные социологические исследования читательской и театральной аудитории, кино- и телеаудитории, художественной самодеятельности были нацелены на то, чтобы выявить и зафиксировать то, каким сложным и противоречивым (и – одновременно – каким важным для культурного развития человека) является это *сотворчество*.

Эти исследования, как и многие другие его *теоретические* изыскания, имели огромное *практическое* значение. Особенно это относится к практике воспитания. Примечательно, что Лев Наумович, вынужденный работать в рамках официальных идеологических установок, которые он не мог игнорировать (в частности, воспитание определялось им как «коммунистическое», а его целью объявлялось формирование всесторонне развитой, духовно богатой личности), обосновываемый им подход открывал новые познавательные возможности для исследований. В частности, гораздо глубже – с акцентом на активность человека – стало восприниматься воспитание: «Воспитание есть не что иное, как превращение личности из объекта воздействия культуры в творца и создателя культуры. В этом смысле духовно богатый человек – одновременно и *объект, и субъект культуры*» [4]. И когда в начале перестройки в журнале «Молодой коммунист» вышла его статья «Не хочу быть объектом!». Ее появление было продиктовано надеждами на реализацию давно и глубоко осмысленной Л.Н. Коганом идеи о творческой стороне в воспитательной деятельности.

В 1970-е гг. в общественных науках начинает использоваться понятие «*актуальная культура*». Одним из первых его применил Л.Н. Коган [5]. Особое внимание он уделил проблеме отбора ценностей актуальной культуры, поиску границ между общей и специальной, профессиональной культурой. Эвристичность данного понятия раскрылась в последующих исследованиях по теории и социологии культуры. Анализ «актуальной культуры» лежит в иной плоскости, чем выделение разнообразных видов культуры. Здесь культура предстает как *процесс*, непрерывное изменение, диалектическое взаимодействие *традиций и новаторства, преемственности и изменений*. Происходит постепенное обновление культуры: что-то в ней отходит в прошлое, представляя музейную ценность. Для обозначения ценностей культуры, реально функционирующих в обществе в данную конкретную эпоху, им и использовалось понятие *актуальной культуры*, которое позволяло отделить «живую» культуру, находящуюся в реальном обращении, от культуры «невостребованной». Специфическая особенность актуальной культуры – это то, что ней выражено деятельностное, функционирующее начало культуры. Она – «*наличная культура*», выражающая в масштабе общества массовое, типичное, господствующее.

Культура, понимаемая как «*репрезентативная*» перестает рассматриваться как пассивный, надстроечный и вторичный феномен. Она представляет собой выражение в сознании людей любых фактов, которые что-либо означают для них. Причем означают то, что дано в культурной репрезентации. В рамках такой логики резонно выделение также «*неактуальной культуры*». Коган отмечает: «Кто-то назвал культуру «великим кладбищем», во всяком случае, сравнение это не лишено смысла. Неактуально в культуре то, что перестало реально функционировать в культурной коммуникации, «умершие» ценности и нормы культуры... Ряд произведений культуры, не нашедших отзвука в сердцах людей, неизбежно уходит со сцены, «умирает» и в лучшем случае, да и то не всегда, становится объектом изучения специалистов» [6]. Неактуальная культура

нерепрезентативна, т.е. она не воздействует на социальное поведение людей. Конечно, нужно учитывать и то, что различные виды, фрагменты, элементы культуры могут по-разному воздействовать на социальное поведение.

Да и сама актуальная культура проявляется по-разному в различных сферах. Для понимания актуальной культуры значимо и проводимое в литературе разграничение «культуры» и «культурного наследия». Но актуальная культура не может быть ограничена культурными образцами, имеющими современное происхождение. Ценности культуры, способные преодолеть испытание временем, несут в себе печать непреходящего. Они способны оказать воздействие, вызвать живой отклик у людей во все времена, в том числе в настоящем времени, составляя *ядро актуальной культуры*. Как это ни парадоксально, ценности культуры прошлого, созвучные настоящему, с большим правом могут быть отнесены к актуальной культуре, чем многие продукты культуры более позднего времени.

Необходимая исследовательская процедура – анализ структуры актуальной культуры. Вопрос этот мало изучен. Интересен в этом плане подход Л.Н. Когана, выделившего пять слоев актуальной культуры [7]:

- *общечеловеческие, непреходящие ценности*. Этот слой сравнительно невелик по объему, имеет интернациональный характер;
- *национальная классика*. В других странах она менее известна широким массам, являясь достоянием преимущественно специалистов;
- *произведения культуры прошлого и современности*, поддерживаемые одними культурами (направлениями, школами), но отвергаемые другими;
- «*культурный поток*» – самый широкий, непрерывно меняющийся слой. В нем могут оказаться и замечательные произведения, которые со временем могут стать классикой, но основная масса его произведений обречена на забвение, причем часто довольно быстрое;

- *ранее «невостребованные» ценности*, которые обогнали свое время и лишь сейчас получают аудиторию.

Структурирование актуальной культуры не является линейно-прогрессивным. К ней не относится то, что лишь вызревает или уже есть в действительности, но еще не укоренилось и как феномен культуры носит потенциальный, эвентуальный характер. И, напротив, явления актуальной культуры могут «забываться», уходить из нее и снова возвращаться. То, что отвергалось одним поколением, может быть воспринято в изменившихся условиях другими поколениями; опередившее свое время достижение может по-новому, заслуженно быть оценено в последующие эпохи. Актуальная культура выступает как инвариантный компонент, овладение которым возможно и необходимо для каждого, чтобы быть в состоянии «войти» в современную культуру.

Нередко предлагается выделять явления актуальной культуры (и, соответственно, описывать ее границы) *по критерию соответствия их тем или иным социальным потребностям*. Такой подход созвучен представлениям о культуре как совокупности ее продуктов, выступающих реализацией позитивных и прогрессивных тенденций ее развития. Но тут сразу встает проблема выбора субъекта оценки. Кто будет определять, в каких ценностях культуры общество или отдельные социальные группы испытывают потребность? Недавний опыт нашей истории показывает, к каким негативным последствиям может привести произвол и субъективизм в таких оценках (один из примеров тому – лысенковщина в биологии с осуждением «менделизма-морганизма»). Но необходимо видеть и стоящую за этим серьезную методологическую проблему. Долгое время наше общественное сознание пренебрежительно относилось к миру *реальных* явлений, ориентируясь преимущественно на умопостигаемые *сущности*. Сегодня причина этого достаточно ясна – когда мир явлений во многом не соответствовал умозрительным сущностям, познание – в обход «неправильной» реальности – устремлялось прямиком к сущности.

Разумеется, в науке целью оказывается постижение сущности, скрытой за внешней стороной социальных процессов. Но можно ли постичь ее, минуя анализ на уровне явлений?

В современной отечественной обществоведческой литературе получило широкое распространение понятие *«социокультурный»*. Это свидетельствует о возрастающем интересе к соотношению между культурой и формами отношений людей, об отказе от упрощенного понимания общества лишь как совокупности общественных отношений, о конституировании методологии изучения человека в контексте его эпохи и его социальной и культурной среды. Потребность в представлениях об обществе как социокультурной целостности особенно обостряется в условиях его быстрой трансформации. Специфика социокультурного подхода заключается в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человек в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом они взаимосвязаны и влияют друг на друга. Все социальные факты являются не чем иным, как порождениями культуры. Культурное видение и социальное видение – это просто два разных аспекта видения одного и того же феномена. Распространение социокультурного подхода связано с возрастанием роли культуры в регуляции человеческого поведения. Так, существенными факторами развития современной экономики являются культурные факторы – квалифицированная, с высоким уровнем трудовой этики рабочая сила, обладающая особой культурой и знаниями, необходимыми в современном высокотехнологичном производстве. Следует отметить, что идеи соединения творчества и красоты в труде Лев Наумович стал развивать в середине 1960-х гг., когда в сфере производства в СССР почти повсеместно доминировал примитивный, ручной, неквалифицированный труд.

Одним из первых советских исследователей, в творчестве которых социологический и культурологический анализ имели прочную и

естественную взаимосвязь, был Л.Н. Коган, хотя он практически не использовал термин «социокультурный». Это выражалось в постоянном, практически на протяжении всей творческой деятельности, его интересе к социологическим и в то же время культурологическим темам и проблемам. Реализовался этот интерес и в чтении лекционных курсов; и в многочисленных публикациях; и в научно-организаторской деятельности (не случайно он много лет был председателем и бюро Уральского отделения Советской социологической ассоциации и проблемного совета по проблемам культуры при Министерстве высшего образования РСФСР).

Эта взаимосвязь проявлялась также в содержательном плане. Не претендуя на анализ содержания наиболее значимых публикаций Л.Н. Когана по проблемам социокультурной динамики, ограничимся отдельными штрихами и примерами. Во многих работах Коган обращается к анализу функций культуры как социального института. Одна из его любимых тем, которая «красной нитью» проходит через многие работы, – тема *человекотворчества как главной функции культуры*. А отсюда его выход на рассмотрение культуры как *важнейшего механизма социализации индивида, личности*. Чрезвычайно плодотворным представляется понимание им культуры одновременно как социального опыта и как социальной памяти. Анализируя связь и различие культуры и политики, отмечая внешние, самоочевидные связи, он особо подчеркивал сложность и глубину таких связей: «Пока общество разделено на классы и слои, его стратификация будет проявляться в культуре».

Одна из самых ярких и оригинальных работ Л.Н. Когана – «Зло» – очень личная, глубокая книга. В ней прослеживается связь социологического и культурологического анализа: «С позиции анализа лишь нравственных конфликтов корни и природу зла постичь невозможно, ибо *Зло* – не только и даже не столько моральное, сколько социальное явление» [8]. На вопрос о сущности зла философы отвечали по-разному. Как замечает Л.Н. Коган, их ответы можно свести к трем позициям: 1) зло изначально присуще

человеческой природе; 2) Зло зависит от человека и от общества в целом; 3) зло порождается реальными, земными отношениями между людьми и условиями социальной жизни. Именно последней точки зрения придерживается Л.Н. Коган.

Проблематика *личности*, ее развития, наряду с проблематикой культуры, была самой любимой в творчестве Л.Н. Когана. Об этом свидетельствуют его многочисленные публикации. Наиболее обобщенно и концентрированно проблемы развития личности рассмотрены им в фундаментальной монографии «Цель и смысл жизни человека» [9].

Одна из важнейших идей в творчестве Л.Н.Когана 1980-х гг. связана с разработкой категории «*сущностные силы человека*». Использование этой категории существенно обогатило его анализ развития личности: «Сущностные силы человека формируются, реализуются и развиваются только в процессе практической деятельности. Развивая и опредмечивая их, человек тем самым «творит» самого себя. Социальные силы человека поистине универсальны: они обеспечивают власть человека над стихийными силами природы и общественного процесса, их развитию нет пределов и границ. Социальные (сущностные) силы личности не тождественны ее сущности, они есть деятельное проявление этой сущности – совокупности общественных отношений. Их нельзя отождествлять с деятельностью людей, поскольку они характеризуют возможность осуществления такой деятельности» [10]. Лев Наумович дает сущностным силам личности одно из первых в отечественной литературе определений: «Это есть мера присвоения социальным субъектом общественных отношений, раскрывающаяся в его практически-преобразующей деятельности, мера его социальной активности» [11]. Отсюда вполне логично его обращение к вопросу о *социальной активности*. Автор подчеркивает глубокое внутреннее единство *социальной активности* и *социальных (сущностных сил) человека*: «Вопрос о природе социальной активности может быть научно решен лишь в том случае, если ее рассматривать как результат развития тех или иных социальных

сил...Социальная активность – это мера развития сущностных сил социального субъекта» [12]. Анализ развития личности обогащается еще одним сюжетом в рассмотрении этого процесса: обращается внимание на связь развития личности не только с объективно-историческими преобразованиями общественных отношений, но и с изменением ее сущностных сил [13].

Один из аспектов исследования развития личности, который вызывал и научный, и личностный интерес Льва Наумовича, – *проблема всестороннего развития личности*. Он сам был воплощением такой всесторонности. Насколько широк диапазон его научных интересов и публикаций – от красоты труда и подъема культурно-технического уровня советского рабочего класса, через разнообразные исследования политической, художественной, экономической, экологической культуры к философско-обобщающим книгам последних лет на темы человеческой судьбы, преходящего и непреходящего в жизни человека. Это и борьба добра и зла, серьезная и веселая философия в творчестве Шекспира. Не случайно друзья и ученики воспринимали его как человека эпохи Возрождения, жившего в советские времена. Важно подчеркнуть, что эту ассоциацию вызывали не только многообразие его талантов и научных интересов, но и его гуманизм, человечность.

В его размышлениях о всесторонне развитой личности исходной была, пожалуй, мысль о том, что неверно любое противопоставление всесторонности развития личности и профессиональной специализации. Всесторонность ассоциировалась у него не столько с экстенсивными характеристиками, сколько с интенсивностью, глубиной развития: «Всесторонность означает максимальное развитие и проявление сущностных сил человека, его способностей, потребностей, навыков, знаний, умений и т.д.» [14]. Такое понимание всесторонности было связано, на наш взгляд, с разработкой *деятельностной концепции культуры*, в рамках которой наиболее существенный показатель культурности – не то, чем занят человек,

что он делает, а то, как он это делает. Поэтому главное – не широта видов деятельности, а то, насколько внешняя необходимость той или иной деятельности превращается во внутреннюю потребность, в самодеятельность. «Самодеятельность – это развитие, не знающее внешних препятствий и преград – имущественных, сословных, классовых, национальных, это действительная свобода человека» [15]. Представляется важным и своеобразный итог размышлений о всесторонности: «Всестороннее развитие личности – не абстрактный идеал. Речь идет о «действительных», реальных людях, становящихся всесторонне развитыми. Не мифическое существо, а живой человек с его повседневными заботами, страстями, потребностями является и субъектом, и объектом этого чрезвычайно сложного процесса» [16].

Рассматривая проблему всестороннего развития личности, Лев Наумович подчеркивал, что анализ будет неполным без обращения к таким характеристикам личности, как *целостность, универсальность, гармоничность*. По его мнению, универсальность выступает как особая черта нового человека. Универсальная личность – это человек, широко подготовленный к самым разнообразным видам деятельности, прежде всего трудовой. Он не подвержен профессиональной узости, в своих занятиях он далеко выходит за рамки своей профессии. Другой аспект всестороннего развития – гармоничность. Ее проявление он, в соответствии с духом времени, видел в соединении и взаимопроникновении общественных и личностных начал, умственного и физического труда. В то же время он подчеркивал, что гармоничное развитие личности «не исключает возможности противоречий и несоответствий раз различных интересов, аффектов, противоречий между замыслом и исполнением» [17]. При этом Л.Н. Коган особо выделял процесс *самореализации*, которая рассматривалась им как свободная деятельность, самодеятельность индивида, опредмечивающая сущностные силы человека в результатах его деятельности.

Своеобразным синтезом его размышлений о развитии личности и культуре была идея, что с первых лет сознательной жизни человека формирование его личностных качеств связано с освоением им определенной системы культуры. Именно благодаря овладению культурой развиваются сущностные силы личности. «Культура развивается как единство противоположностей: опредмечивания социальных сил в деятельности и ее продуктах и распредмечивания, освоения реализованных в ее ценностях социальных сил и превращения их в духовное богатство социального субъекта», – подчеркивал он. Сама неповторимость личности является следствием активного освоения культуры. Отсюда очевидно, что о культуре личности правильно судить не столько по ее культурному багажу, сколько по ее реальной социальной деятельности и поведению, по полноте самореализации сущностных сил человека [18]. Применительно к проблематике всестороннего развития личности Л.Н. Коган делал вполне логичный вывод, что многогранность культуры как общей характеристики всех видов социальной деятельности с точки зрения формирования и реализации в ней сущностных сил человека позволяет культуре стать средством формирования всесторонне развитой личности. «Овладение культурой и самостоятельная творческая деятельность по созиданию ее ценностей становятся источником уникального духовного богатства, позволяющего ему осуществить себя как личности» [19]. Сегодня эти идеи кажутся овеянными духом гуманистической романтики в стиле произведений раннего Маркса, к которым Лев Наумович испытывал большой интерес и симпатию. Идеи Маркса-гуманиста во многом были созвучны его мировосприятию. Эта модель ориентации на социализм в его гуманистическом варианте получила название социализма «с человеческим лицом». Видимо, именно поэтому он болезненно воспринял чехословацкие события, которые, вероятно, похоронили надежды на осуществление данного идеала. Другим источником гуманистического романтизма, воздействие которого испытал Лев Наумович, стало, на наш взгляд, шестидесятиничество,

что отчетливо проявлялось в его эстетических, художественных симпатиях. Он не был диссидентом или борцом с режимом, но его свободная, творческая, независимая личность не укладывалась в строгие идеологические рамки того времени. Обращение к реалиям современного российского общества подводит к выводу о том, что идеи о всестороннем и гармоничном развитии личности значительно обогнали свое время, остались идеалом, воплощением гуманистической романтики.

Завершая статью, хотелось бы подчеркнуть *оптимизм* Л.Н. Когана как основную характеристику его как Ученого, Педагога и Человека. Обращаясь к проблеме вечности, он писал: «Я уверен, что именно в наше время проблема Вечности приобретает невиданное ранее значение: все мы ответственны перед Историей, перед Вечностью за нашу страну, за нашу многовековую культуру, за наших детей и внуков. Мысли о Вечности рождают оптимизм, веру в наше будущее, в возможность (и необходимость) скорейшего преодоления современных трудностей и бед. Вечность – проблема реального гуманизма. У каждого из нас есть определившие его судьбу мгновения, свои «звездные часы», свои интимные отношения с Вечностью. Но, думаю, у всех нас есть неистребимая вера в Россию, в ее будущее, в счастье ее народов» [20].

Литература

1. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 184. Мы ссылаемся на авторские работы Льва Наумовича, для молодых социологов можно порекомендовать найти эти работы в изданном двухтомнике работ Л.Н. Когана (См.: Коган Л.Н. Личность, культура, общество. Избранные труды 1961-1987 гг. Екатеринбург, 2009; Коган Л.Н. Личность, культура, общество. Избранные труды 1988-1997 гг. Екатеринбург, 2009).
2. Коган Л.Н. Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих. Вып.1. Свердловск, 1969. С.3-4.
3. Там же. С.12.

4. Там же. С.13.
5. Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972. Гл. 5.
6. Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992. С.63.
7. Там же. С.64-68; см. также: Коган Л.Н. Жизнь в поколениях. Екатеринбург. 1995. С.9-12; Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург. 1993 С.45-48.
8. Коган Л.Н. Зло. Екатеринбург, 1992. С.15.
9. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.,1984.
10. Там же. С.20.
11. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.,1984. С.20.
12. Там же. С.27.
13. Там же. С.67.
14. Там же. С.61-62.
15. Там же. С.64-65.
16. Там же. С.67.
17. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.,1984. С.93.
18. Там же. С.191.
19. Там же. С.213.
20. Коган Л.Н. Вечность. Екатеринбург. 1994. С.11.

Ермаков Ю.А.,
г. Екатеринбург

ТЕНЕВОЙ ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Тень мы видим каждый день, особенно когда солнце клонится к закату и на землю опускается тьма. Как физическое явление она для нас привычна, и мы вспоминаем о ней подчас лишь в метафорах: «царство теней», «тенивая